

ГЛАВА ВОСЕМЬ

Прогулки под деревьями цветка персика

В ту ночь у Панга Ван был не такой мирный сон, во сне у нее было любовников, таких же красивых, как нефрит, идущих к ее руке в руке, весело болтая и смеясь друг с другом, наполненная нежной лаской.

«Ван Ван, я, Гу Си Цзю, наконец, нашел любовь к моей жизни, позвольте нам теперь сказать прощание!» Эта красивая юность в белых одеждах, волнующая ее в чрезвычайно лихорадочной манере: «Отныне забывайте себя в пределах Цзян Ху, никогда не встретиться!

Панг Ван чувствовал себя очень не желая уходить в отставку, она делает большие шаги вперед и хватается за плечи женщины, желая увидеть, кто, черт возьми, третья сторона.

Невзирая на этот взгляд, она была в ужасе от крика вслух - у этой женщины нет черт лица, вся голова - белый лотос сама по себе!

С этим одним испугом один прыжок, она проснулась, сидела и смотрела в окно, солнце уже поднялось до трех бамбуковых полюсов [1].

«Маленький Учитель проснулся? Хотели бы вы принять ванну? Ванг Ганд стоит у окна, висящей на сухую одежду, в веселом настроении.

«Я был пьян вчера вечером?» Панг Ван потирает ее пульсирующую голову: «Должно быть, вы так беспокоились?»

Ван Ган был ошеломлен, затем поспешно качает головой: «Вопросы Малыша - это мои дела».

Панг Ван рассмеялся: «С каких это пор ты был такой одеждой? Не то, что ты продал меня мне!

Кто знал, что Ван Ган окажется на колени: «Этот маленький человек всецело готов продать себя Учителю!» По его словам, он даже вынимает из груди лист бумаги: «Этот маленький надеялся на это день в течение долгого времени, надеясь на такое долгое время, даже контракт на продажу уже давно готов! "

Панг Ван ошеломленно заглядывает в контракт, действительно ясно написанный черными чернилами на белой бумаге, все, что отсутствует, - это ее подпись.

«Не торопилась, покупая булочки, но спешила больше, чем кто-либо другой, когда продавал себя!» Она пробормотала фразу и не согласилась с контрактом: «Что так хорошо быть слугой всю жизнь?» Зевая, когда она встает с постели, она лениво растягивает талию крайне непримиримым образом: «Не продавай! Не продавай!

Ван Ган, видя, как она уходит без малейшей заботы, разочаровывает, откладывает бумагу обратно в грудь.

После мытья посуды они переезжают на завтрак, Ван Гант с нетерпеливой внимательностью приносит горячие мясные булочки, глаза Панг-Вана даже превратились в полумесяцы, когда она улыбается при виде: «Мальчику стоит учиться».

Ван Ган получает возможность дотянуться до его груди, но видит блики от миндальных глаз Панг Ван: «Настойчиво не продавать!»

И поэтому он горько берет руку.

Двое из них завтракали, когда Ван Ган внезапно спросил: «Маленький Учитель вышел так долго, разве ты не пропустишь свою семью?»

Панг Ван просто ест ее ба-бао-конгее [2] , рот смутно бормочет: «Они не могли дожидаться, когда я выйду на тренировку в реальном мире».

Глаза Ван Гэна мерцают: «Может быть, это Маленький Учитель из выдающейся семьи Ву Линь?»

Панг Ван ничего не говорит, просто сосредоточившись на том, чтобы съесть свой собственный клинок.

Ван Ган видит, как она выглядит, как обычно, и далее говорит: «Кажется, что Маленький Учитель тоже человек боевых искусств, не знаю, из какой секты ваш хозяин?»

Панг Ван был удивлен, ухмыляясь ему, ее два маленьких собачьих зуба яркие и сияющие: «Твои нервы наверняка откармливаются, да, пытаюсь получить от меня слова?»

Лицо Ван-Гана не изменилось, выглядя очень серьезным: «После Малого Учителя так долго неизбежно будет любопытно ах, носность - часть человеческой природы, Маленький Учитель не должен винить меня».

Панг Ван не рассердился, небрежно съел последний глоток конгеи, вытащил свой носовой платок, чтобы вытереть жир из ее губ.

«Хэн, имя твоего маленького мастера слишком велико, говоря, что это громко может очень напугать людей до смерти! Чтобы вы не испугались до смерти, лучше, чтобы я продолжал оставлять ответ на все это сейчас! »Она бросает эти слова и уходит, оставляя Ван Ганга, чтобы дымиться на месте.

После еды Ванг Ган первоначально думал, что Маленький Учитель будет продолжать практиковать это «Сан Чан Пуаз», который знал, что Панг Ван будет звонить ему на остановку, сообщая ему выйти на рынок, чтобы выкупить четыре сокровища учебы (кисть, чернильница , чернильная плита и бумага) .

«Маленький Учитель планирует начать заниматься рисованием и каллиграфией?» Он кладет кисть, чернильную палочку и чернильную плиту на стол один за другим, чувствуя искреннее любопытство.

«Скоро будет прощаться с этим маленьким городом, сегодня я в отличном поэтическом настроении». Панг Ван твердо фиксирует ее на глазах на рисовой бумаге, и на ее лице появляется особый вид решительности.

«Маленький Учитель готовится отправиться в путешествие?» Спокойно говорит Ван Ган.

«Я хочу составить стихотворение для того, кто покинул меня, ознаменовав передачу любви, которая произошла здесь». Панг Ван дает нерелевантный ответ, все ее тело окутано в слой туманного мечтательного сияния.

Ван Ган был сильно потрясен, думая про себя, пробыв здесь уже более месяца, кроме прослушивания рассказов и просмотра в зеркале, Маленький Учитель не разговаривал с

мужчиной не более десяти предложений, как она внезапно покинула кто-то, и пережил прохождение любви?

В любом случае, он никогда бы не догадался, этот опыт «безответной любви к взаимно страстной любви, а затем к покинутой любви» был чем-то, что Панг Ван пережил сам по себе.

Он видит только Пан Ван, держащего кисть, сочиняя одно непрерывное дыхание: «Большая рука, держащая маленькую руку, идя под деревьями персикового цвета», эти десять больших персонажей, подписанных с «дорогим Гу и я».

Характер «Гу (□)» был написан очень scribbly, Ван Гэн наклоняется вниз, желая получить более пристальный и ясный взгляд.

Но видит бросок кисти Панг Ван, и несколько больших капель черных чернил окрашивают его лицо.

«Айя, я не это имел в виду». Панг Ван смотрит на него с особенно невинным выражением, красные губы выступают, когда он показывает на угол: «Там есть вода, ты чистишь свое лицо!»

Ван Ган улыбается, снимает ткань с стойки и ополаскивает ее, прежде чем вытирать щеку.

Панг Ван наблюдает за каждым его шагом, внезапно говоря: «Там все еще есть то место, которое вы не убрали!» По ее словам, она берет ткань с его руки.

Она очень тщательно ее протирает, также прилагая много сил, не щадя даже самых маленьких пятен, продолжая тереть до тех пор, пока лицо Ван Ган не станет красным, если она снова потечет, это, вероятно, оторвется.

Ван Ган переживает боль, не говоря ни слова от начала до конца.

"Забудь это! Не могу убрать его, независимо от того, сколько я на него натираю, ты утираешь это чем-то!» Пан Ван отбрасывает ткань, раздраженную.

Ван Ганг кивает, он поднимает мыло [3] и тщательно моет лицо перед Панг Ван.

Панг Ван наблюдает за ним, как будто она ничего не может понять, ее брови постепенно разрываются.

Ван Ган только что закончил мыть лицо и использует ткань, чтобы высушить ее, когда он внезапно услышал слабый вопросительный голос Панг Ван.

«Скажите, если у вас есть что-то чрезвычайно ценное, сокровище, на которое весь мир смотрит, куда бы вы его поместили?»

Ван Ган был ошеломлен, затем улыбается: «Если его нельзя взять вместе со мной, я сделаю лабиринт, найду самых свирепых зверей и самых элитных людей, чтобы охранять его, если сокровище можно взять ...» Он делает паузу, затем говорит: «Естественно, я всегда буду держать это на моей стороне».

Пан Вань кивает головой, видимо, находит его слова очень разумными.

Ван Ган с любопытством спрашивает: «Неужели Маленький Мастер случайно, ищет какое-то сокровище?»

Панг Ван открывает свой рот, желая ответить, но суетливо кусает ее нижнюю губу, такие действия повторялись снова и снова, как будто в ее сознании постоянно возникают конфликты.

Ван Ган больше не говорит, только громко рассмеялся, как будто он совсем не против, как будто он этого не видел.

Два человека две лошади покидают гостиницу в тот день, направляясь к горной долине за городом.

«Хорошо, давайте обоим прощаемся сейчас, идем разными путями!» Панг Ван обмакивает кулак в знак приветствия Ван Ган.

«Маленький Учитель больше не хочет меня?» Ван Гэн бледнеет от страха.

«Не так, как будто я на самом деле ваш хозяин». Ван Ван смеется: «Моя тропа в Цзян Ху неизбежно спровоцирует бедствие в будущем, физически очень слабый [4] рассказчик, как вы, лучше не участвовать».

«Ван Ган всецело готов позаботиться о чем-нибудь для Маленького Мастера! Никогда не колебаться даже перед лицом миллионов опасностей!» Не думал, что Ван Ган решительно откажется отпустить.

Пан Ван вздыхает, глядя на свое упрямое лицо, вынимает из груди серебряный слиток и бросает его: «Возьми его, возмещение за увольнение».

Ван Гант пытается поймать слиток, но бросает его обратно, выкрикивая: «Золото и богатство не могут купить мое сердце!»

Панг Ван улыбается, она поворачивает голову в сторону, очень серьезно изучая человека перед ней.

Ван Ган, которого так пристают такие горячие глаза, чувствует себя колючим на спине, чтобы успокоить его нервы, он глотнул глоток.

«Ты не Ван Ган». Панг Ван внезапно говорит очень неторопливо.

Свет в глазах Ван Гэна слегка мерцает, его выражение навязывает, но не меняется.

«Хотя я не знаю, откуда были извлечены ваши навыки маскировки, чтобы на самом деле не было никаких недостатков, я знаю, вы не Ван Ган».

Панг Ван твердо смотрит на него, улыбка сидит у ее губ, все больше и больше.

«Настоящий Ван Ганг не способен единолично поймать серебряный слиток на лошадях, и не тот, кто не может быть куплен золотом и богатством, вы переоценили его».

«Ван Ган» не говорит, только выпрямляет спину, изнутри рукава, пучок холодного света тихо течет вниз.

«Именно по какой причине ты заставлял меня ломать голову?» Панг Ван, похоже, не обнаружил надвигающейся опасности, только любопытно к намерению этого человека.

"Я заинтересован в вас."

«Ван Ган», наконец, говорит, уже переключаясь на убедительный мужской голос, резонирующий, как нефрит. После звука его голоса, мужская фигура на лошади становится высокой и сильной во время вспышки, от более короткого и тощего тела.

«... Мне тоже очень интересно, в твоей маскировке». Пан Ван замечает все это ошеломленное, рот смутно бормочет это.

«Леди уже может увидеть мою маска в такой молодой возраст, вы, несомненно, очень способны».

«Ван Ган» улыбается ей с восхищением, правой рукой отпустив поводья.

В этот самый момент молнии вспыхивает гром и гром, из его рукава вылетает серебряный свет, прямо стреляя прямо в грудь Панг Ван - это несравнимо острый орел.

Но в этот самый момент серебряный свет вспыхнул, Пан Ван, который все еще выглядел пустым только сейчас, фактически вскочил в сальто с лошади, белый шелк выкинул из рукавов, крепко держал ее еще в воздухе, избегая атаки совершенно невредимым.

«Не могу поймать меня, чтобы досадить тебе до смерти!» Она вытаскивает уродливое глупое лицо в «Ван Ган» в воздухе, чрезвычайно гордая собой.

«Ван Ган» прижимает губы, не знаю, где с его талии он вытащил десять булавок, шуа-шуа, они все разбрызгиваются в жизненно важные точки удара Панг Вана.

«Какой храбрый человек использует скрытое оружие?!» Панг Ван громко кричит, потянувшись за белый шелк, чтобы качаться через ветви дерева, и фактически избегал всех десяти штырей ловко.

«Ван Ган» снова направил атаку напрасно, но не торопился и сидел только на лошади, потирая подбородок, как будто поглощенный его мыслями.

Пан Ван, видя, что этот человек, кажется, не спешит убить ее, между каждым жестом каждое движение, он, кажется, еще больше сосредоточен на тайном изучении ее боевых искусств, с одним трепетом ее ресниц, белый шелк поднимается вверх, весь ее человек собрался на большом дереве, как кот.

"Привет! Вы случайно хотите узнать, кто я?"

Она звонит «Ван Ган», расположенному в близлежащем месте, этот мягкий и легкий детский голос перекликается через гору.

«Ван Ган» мгновенно погружается в тишину, прежде чем спросить с небольшой оговоркой: «Дама готова сказать правду?»

Пан Ван видит свое отношение, выпрямившись спиной, действуя все высоко и сильно, и считает это очень пренебрежительным: «Сначала вы должны сказать мне, почему вы хотите узнать мою личность?»

«Ван Ган» размышляет над этим на мгновение, говоря: «Леди-оружие, это не то, что обычные люди могут получить».

Панг Ван смотрит на золотой кнут по ее талии, а также касается пылающих игл внутри

рукавов, не в силах разобрать, о ком он говорит, и мог только протирать нос: «Какое оружие необыкновенно?»»

«Ван Ган» бросает взгляд на открытие рукавов: «Естественно, что ...»

Прежде чем он это узнал, последним словам еще предстояло вырваться из его рта, когда удар божественного хлыста внезапно спускается с неба, приземляясь на его лице с «па», звук очень хрустящий.

«Ван-Ганг» был действительно ошеломлен, и он уже использовал свою внутреннюю энергию для защиты жизненно важных точек своего тела, но никогда не думал, что этот человек непосредственно нападет на его лицо.

Золотой хлыст тянет прочь, сопровождая ветром ветра, только что отрывая половину лица, раскрывая реальную кожу и черты лица вниз.

Это очень комичная сцена. Один человек, два лица, левый и правый асимметричный, одна половина - морская вода, половина - малиновый огонь, и поэтому преступник только мельком увидел издали и сразу испугался своего ума - «Привидение ах ~! »

Как будто ее прикладом подожгли, она мчится и исчезает в лесу.

«Ван-Ган» сидит на лошади, его спина напряглась, пять пальцев свирепо скручиваются в кулаки, даже его суставы уже побледнели, прозвучала трещина.

Глаза, видя, как Ван Ван убегают, как вихрь, скрытый в лесу человек в масках, наконец, выходит, опустившись на колени перед ним, когда он осторожно кричит: «Молодой мастер?»»

«Ван Ганг» ничего не говорит, только молчал, молча срывая другую половину поддельной кожи на лице.

Человек в масках под лошадь чувствует, что он был окутан гигантской силой холодного воздуха, и надвигающиеся темные облака, даже малейшее движение, заставили бы его измельчить в летающую плоть и кровь.

Долгое время, спустя долгое время.

Солнце постепенно заходит на запад, в горной долине внезапно звучит хриплый свисток.

Истребитель, который был первоначально покоится на земле, резко поднимает голову и поднимается, глаза, как горит факелы, садится на глубины леса, когда он скачет вперед.

[1] Солнце поднялось до трех бамбуковых полюсов или *rì shài san gān* / 日 晒 三 竿 используется, чтобы сказать, что солнце поднялось очень высоко, а это значит, что уже не рано.

[2] У нас был чай *ba bao* раньше и на этот раз это *ba bao songee*, *bā bǎo zhōu* / 八宝粥 или восемь сокровищ, которые очень питательны и просты в приготовлении, ингредиенты варьируются в зависимости от того, что вы хотите добавить, но в целом включает различные виды орехов, сухофруктов или овощей, семян, бобов мунгов, а также различных видов риса.

[3] Литеральное слово, используемое для мыла здесь, это yì zǐ / 胰子, означающее поджелудочную железу. Древние китайцы использовали свинную поджелудочную железу для мытья, так как они могли удалять пятна и жир. Этот термин по-прежнему используется для обозначения мыла в некоторых районах Китая сегодня, и такое мыло поджелудочной железы все еще можно купить.

[4] Исходные слова для физически очень слабых были shǒu wú fù jī zhī lì / 手无缚鸡之力, который буквально переводится в руки, не имеет силы связать курица .

<http://tl.rulate.ru/book/13959/276964>